

СЛАБАКИ ОБРАЩАЛИ ИМПЕРИИ В ПЕПЕЛ.
МЫ ЖЕ ПОСТРОИМ СВОЮ НА УГЛЯХ.

ДОН АНТОНИО МОРЕТТИ

ИНОГДА, ЧТОБЫ БОРОТЬСЯ СО ЗЛОМ,
НУЖНО РАЗОЗЛИТЬСЯ.

**СЕРЖАНТ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ
РОНАЛДО САЛЬВАТОРЕ**

ПРОЛОГ

*Ноябрь 2011 г.
Неаполь, Италия*

Черный мерседес остановился перед одной из старейших базилик Неаполя, построенной на руинах гораздо более древнего римского храма.

Антонио Моретти представил, как могли выглядеть солдаты тех времен: кожаные доспехи, мускулистые тела, короткие мечи в мозолистых руках. Его солдаты скрывали оружие под черными костюмами. Внешнее несходство показалось ему разительным, но мышление, подумал он, не так уж и отличалось. У них были те же заботы: защищать командира и членов клана, зарабатывать на жизнь, выживать. В этом отношении в древнем городе за два тысячелетия мало что изменилось.

Один из солдат Моретти открыл заднюю дверь, и Антонио выбрался из машины, не обращая внимания ни на демонстрантов, скандирующих по другую сторону улицы, ни на оскорбительные для

его семьи транспаранты. Вместо этого он повернулся к возвышающейся над ними базилике Сан-Паоло-Маджоре.

Фасад загораживал заходящее солнце, но Антонио не стал снимать солнцезащитные очки. Ему не хотелось, чтобы родные или соратники видели его таким. Его уважали как жесткого человека, а уважение здесь считалось самой твердой валютой.

Выросший в трущобах неподалеку отсюда, он рано повзрослел. Четыре срока службы в Четвертом альпийском парашютно-десантном полку Италии в Афганистане и Ираке закалили его. А работа на семью Моретти связала кровью.

Но сейчас он шел словно вслепую. Он оказался совершенно не готов к похоронам отца, застреленного мафиози из клана-соперника рядом с местным кафе.

Антонио быстро огляделся, высматривая возможную опасность, хотя его окружали люди, которые были готовы грудью защитить от пуль и его самого, и членов клана. Этого, однако, оказалось недостаточно, чтобы спасти отца. И до сих пор не было известно, какой именно из враждующих кланов был за это в ответе.

— Антонио, — окликнул его грубый голос.

Рядом припарковалась еще одна машина, и из нее вышли мужчины в строгих черных костюмах. Их возглавлял его младший и единственный брат, Кристофер, тоже ветеран Четвертого альпийского. Они оба уехали из дома юношами, чтобы воевать, — и вернулись домой, чтобы стать участниками совсем другой войны.

Они обнялись, соприкоснувшись щеками, и Кристофер вернулся к машине, чтобы высадить жену Грету и их десятилетнего сына.

— Помоги маме, Винни, — сказал Кристофер мальчику.

СЫНОВЬЯ ВОЙНЫ

К ним подошел Рафаэлло Турси, молчаливый солдат с четками в руке. Это был один из самых преданных солдат Моретти, никогда не имевший собственной семьи и полностью посвятивший себя делу и Богу.

— Район чист, — доложил он.

— Спасибо, Рафф, — поблагодарил Антонио, обернулся к мерседесу и подал руку жене.

Лючия, воплощение грации и элегантности, вышла из машины, наклонилась и помогла выбраться их трехлетнему сыну Марко.

Тот улыбнулся, сверкнув идеальными молочным зубками.

Антонио поцеловал сына в лоб у кромки густых черных волос. Того же цвета было платье Лючии и вся одежда, которую Антонио видел вокруг.

Рафф отдал приказ солдатам Моретти, и они выстроились по обеим сторонам высокой каменной лестницы. Антонио помог жене подняться по ступеням к массивным парадным дверям базилики.

Сопровождавшие их охранники были не единственными, кто был вооружен. Пара офицеров полиции дежурила у двух древних коринфских колонн, переживших и войны Древнего Рима, и воздушные бомбардировки двадцатого века.

Внутри базилики мерцал свет свечей. Антонио остановился, чтобы окунуть пальцы в святую воду и перекреститься. Он очень давно не бывал в церкви. Чувство вины, которое он всегда испытывал в храмах, было с ним и сегодня. Часть его считала, он не заслуживает права находиться здесь после всего, что совершил, после того, как убил столько людей и ради родины, и ради семьи.

Красота старинных фресок со сценами из житий апостолов Петра и Павла помогла ему успокоиться,

пока двое полицейских проверяли, нет ли у него оружия.

Он поднял руки и взглянул на одного из них. Сегодня у него не было настроения общаться с этими придурками.

— Все в порядке, — сказал один из стражей порядка и жестом пригласил Антонио к столу, где гостей поджидало еще трое копов.

— Подпишите здесь, — сказала женщина-полицейский с внимательными зелеными глазами.

Антонио ожидал подобного уровня требований безопасности, но все равно испытывал раздражение, даже зная, что все это делается ради их собственного блага. На его памяти это был первый раз за долгое время, когда все семейство Моретти собиралось в одном месте. По этой же причине они решили нарушить римско-католическую традицию, попросив сотрудников похоронного бюро внести тело в храм.

Не было ни семейной процессии по городу, ни гробоносцев для Стефано Моретти. Учитывая жестокость других преступных кланов, это попросту было бы чересчур рискованным. Никто не чувствовал себя в безопасности, и обострение конфликта предвещало, что теперь станет только хуже.

Маленький Марко взглянул на отца глазами, полными удивления и любопытства. Антонио давно решил, что оградит невинность сына и даст ему детство и будущее без кровопролитий и преступлений.

Будущее без войны.

Кристофер с семьей тоже миновали охрану, и обе семьи направились по центральному нефу, украшенному золочеными арками, резными мраморными колоннами, под сводом, расписанным великолепными фресками. Миновав трансепт, они увидели многоугольную апсиду, богато украшенную

рописью. Даже маленький Марко, казалось, был потрясен, глядя на ослепительный полукупол вверху.

Ни роскошь убранства и общая атмосфера приглушенного благоговения, ни великолепный вид его семьи, уже занявшей зарезервированные места у алтаря, нисколько не смягчили возмущения Антонио, вызванного закрытым гробом. Ублюдки, сделавшие это, не ограничились пулей в сердце, а для пущего надругательства еще и изрешетили отцовское лицо.

Образ мертвеца всплыл в памяти Антонио, всколыхнув еще одну горячую волну ярости, которую ему удалось выплеснуть сдержанным вздохом. Он вздернет их за кишки, как только разыщет.

Эта чудовищная мысль казалась богохульной в этом священном месте, но Антонио это не волновало. Он давно оставил надежду попасть в рай. Его душу ждали лишь адское пламя и боль.

— Антонио, — позвал хриплый голос.

Это был его двоюродный брат Лино Де Каро. На первый взгляд — если не замечать золотых колец в ушах — он в своем сшитом на заказ костюме сошел бы за банкира или финансового консультанта, но на самом деле дорогая одежда скрывала крепкие мускулы, татуировки и шрамы, свидетельствовавшие о бурном прошлом Лино.

Он был наемным убийцей семьи Моретти, и его отточенные навыки скоро будут пущены в дело. По правую руку от него сидел еще один бывалый убийца — их дюжий двоюродный брат Закари Моретти. Оба входили в группу Антонио и Кристофера и в иерархии стояли гораздо выше, чем непосвященные соучастники, которые остались снаружи.

Рафф провел Антонио и его семью к их местам.

— Веди себя хорошо, малыш, — прошептал он Марко, когда Лючия проходила с ним мимо.

Антонио подвинулся, чтобы пропустить Кристофера с семьей. Рафф тем временем опустился на колени, чтобы помолиться.

Солдаты Фрэнки Трентино и Кармин Барезе сидели с женами из клана Моретти слева от Антонио. Оба выглядели грубовато, с морщинистыми лицами и длинными волосами, зализанными сегодня назад. Когда они проходили по ряду, от их костюмов поплыл запах одеколона и сигарет.

— Ciao*, — поздоровался Антонио.

Кармин, тоже ветеран итальянских войск, с трудом улыбнулся. Его лицо было изуродовано шрамами — это были следы взрыва гранаты, едва не убившей его.

Оба авторитета Моретти по очереди обняли Антонио, пробормотав соболезнования. И опустились на колени для молитвы. Народу в базилике становилось все больше, каждый, медленно минуя охрану, желал засвидетельствовать свое почтение.

Внимание Антонио привлекла небольшая суматоха у входа.

— Какой позор!

Антонио сразу узнал низкий голос — он был знаком ему не хуже, чем младенцу голос матери. Мужчина, бывший ему вторым отцом, вошел в церковь в костюме-тройке и пальто, накинутом на широкие плечи. Дон Джузеппе, старший брат Стефано и глава семьи Моретти, вступил в спор с полицейскими.

По обе стороны от Джузеппе топтались телохранители. После непродолжительных жарких препирательств могучий старый дон поднял руки, позволив им обыскать себя. При этом он продолжал бормотать себе под нос слова, без сомнения, неуместные для этого святилища и скорбного случая.

* Привет (итал.). Здесь и далее — примечания переводчика.

СЫНОВЬЯ ВОЙНЫ

Антонио откинулся на спинку скамьи, попытавшись расслабиться. Нежное прикосновение Лючии помогло ему успокоиться, и она протянула руку, намереваясь снять с него очки.

Они встретились взглядами, поделившись друг с другом силой, которая и прежде помогала им переживать непростые времена.

Места по другую сторону прохода заняли Джузеппе и его жена. У них больше не было детей — они потеряли сына и дочь десятью годами ранее в пожаре, который должен был убить их всех. Теперь же ему предстояло похоронить и единственного брата.

Антонио кивнул, когда Джузеппе посмотрел в его сторону. Он увидел в глазах дяди глубокую боль — это был момент слабости, какой он никогда прежде не встречал в этом человеке, на котором держалась вся семья.

Взгляд дона остановился на гробе, в котором покоилось тело его младшего брата. Стефано уважали, но он был мускулами семьи Моретти, а не мозгом. Истинным титаном был дон Джузеппе, который также заседал в городском совете. О его криминальном прошлом в городе было хорошо известно, равно как и об амбициях баллотироваться в мэры, что делало его даже большей мишенью, чем Стефано.

Теперь, когда Стефано погиб, обязанность защищать главу и честь семьи ложилась на Антонио и остальных капо* Моретти.

Когда последние гости заняли свои места, через задние двери вошли служители храма. Хор запел гимн, а священник, невысокий мужчина с седой бородой и редкими волосами, двинулся по центральному нефу в сопровождении служек.

* Капитан, помощник босса, командующий солдатами и отвечающий за определенные виды деятельности клана.

Он покачивал кадилом, обдавая собравшихся ароматным дымом.

Антонио обернулся через плечо, чтобы увидеть, кто пришел. Многие — все присутствующие прошли тщательную проверку — пришли выразить поддержку и отдать дань уважения.

Были здесь и люди из других кланов, включая дружественную семью Сарконе. Энцо Сарконе, капо и блестящий предприниматель, сидел в отдалении.

Их взгляды встретились, Антонио кивнул, но Энцо почти сразу отвел взгляд. Антонио снова повернулся вперед. Все, кто сюда пришел, беспокоились из-за финансовых последствий кончины отца.

Священник поднял руки, облачение было ему великовато.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы почтить Стефано Моретти, человека, которого многие из вас искренне любили, — сказал он. — Его жизнь оборвалась из-за бича, терзающего этот город, — бича, которому, я надеюсь и молюсь об этом, будет положен конец.

Лючия сжала руку Антонио.

Священник продолжал взывать к миру и сочувствию еще несколько минут. Антонио хотелось ответить ему, что его слова ничего не значат, что у церкви есть свои проблемы и, более того, семья Моретти была одним из главных жертвователей в городе.

Марко залез к Антонио на колени и положил голову на отцовское плечо. Устраиваясь поудобнее, Антонио заметил, что Энцо встал со своего места и пошел к выходу. Четверо полицейских вышли с ним и прикрыли за собой дверь.

Но почему Энцо уходил именно сейчас? Что за срочность могла...

Краем глаза он уловил движение в другой половине базилики, через проход, где сидел дон Джу-

СЫНОВЬЯ ВОЙНЫ

зеппе с множеством высокопоставленных мужчин и их семьями.

В свете сотен свечей Антонио заметил, что в тени мраморных колонн и статуй прохаживались еще трое копов.

Что-то было не так...

— Готовься уходить, — шепнул Антонио жене.

— Что?

— Делай, что говорю.

Антонио сделал знак Кристоферу, который тоже почувал неладное. Полицейские по-прежнему скрывались в тенях.

— Помолимся, — сказал священник.

Когда гости склонили головы, Антонио обернулся и увидел, что офицеры полиции вынули пистолеты. Один из них достал из спортивной сумки под столом пистолет-пулемет. Другой просунул цепь через ручки входной двери и зафиксировал ее велосипедным замком.

— Dio mio*, — пробормотал Антонио. Понимание происходящего поразило его, словно пуля.

Пока все сидели, склонив головы, запел хор. Небесные голоса оборвал оглушительный треск пулеметной очереди, направленной в дону Джузеппе.

Его тело, прошитое пулями, судорожно дернулось. От скамей полетели щепки, а солдаты и члены клана Моретти повскакали с мест, но тут же упали. В считанные секунды десяток людей, рядом с которыми Антонио вырос, рухнули замертво, и их кровь растеклась по древнему полу священного храма.

Отключившись от криков и хаоса, Антонио сосредоточился на том, что было важнее всего, — на своей семье. Он должен был вывести их отсюда.

Они прошли влево по ряду, вслед за Кристофером, но когда тот бросился к выходу, Антонио

* Боже мой (итал.).

схватил брата за руку и указал на алтарь, за которым прятался священник.

Оттуда же за ними следил полицейский.

Фальшивый полицейский, понял Антонио, сжав руку Лючии.

Он узнал лицо убийцы: среднего ранга солдат из небольшого, но агрессивного клана Канаваро — их врагов. Антонио окатило волной неверия.

Неужели за нападением стоят эти неудачники?

Большинство семей не посмело бы совершить подобное в церкви. Только не здесь, только не на священной земле. Сама мысль об этом представлялась чудовищной. Таковы были правила Коза ностры, и убивать в церкви — а тем более женщин и детей — считалось смертным грехом.

Но Канаваро явно не боялись адского пламени в вечности, если огонь поможет им при жизни.

Антонио увидел, как демон во плоти поднял оружие.

— Кристофер! — крикнул он.

Звук выстрела слился с его криком. Пуля, предназначенная Кристоферу, попала в грудь Грете. Кристофер обернулся к стрелку, а его жена рухнула на пол рядом с Винни, все еще держа сына за руку.

Кристофер с отчаянным криком бросился к убийце. Тот выстрелил ему сначала в предплечье, а потом в грудь, но пули лишь замедлили Кристофера, не заставив остановиться.

Кристофер швырнул солдата Канаваро на алтарь. А потом, схватив за горло, впечатал его голову в дерево раз, другой и третий, чтобы наверняка достичь результата.

Антонио потащил Лючию, прижимавшую плачущего Марко к груди, к задней двери. Пробегая мимо безжизненного тела Греты, она всхлипнула.

СЫНОВЬЯ ВОЙНЫ

— Винни, тебе нужно пойти с тетей, — сказал Антонио.

Мальчик колебался.

— Иди! — крикнул Антонио.

Лючия схватила племянника за руку, а Антонио бросился за револьвером, из которого убили его невестку. Он огляделся в поисках цели, а его жена несла Марко к заднему выходу, уводя за собой Винни. Кристофер подбежал к телу Греты и рухнул рядом.

Антонио оттянул курок пистолета и попятился, прикрывая отступление. По всей базилике другие наемники отстреливали солдат Моретти, пытавшихся бежать, спасая близких. От смерти и хаоса, царивших вокруг, у Антонио замерло сердце, но верх взяли привычки и инстинкт убийцы.

Он прицелился и нажал на курок, попав «полицейскому» в шею. Лино подобрал пистолет убитого. Закари повалил еще одного копа и превратил его лицо в кровавое месиво.

Антонио выстрелил в солдата Канаваро, который прятался за колонной.

— Кристофер! — крикнул Антонио. Обернувшись через плечо, он увидел брата с Гретой на руках. Кровь хлестала из двух ран, заливая его костюм.

— Быстрее, быстрее! — крикнул Лино.

Он перепрыгнул через скамью, Закари за ним следом. Фрэнки и Кармин со своими женами присоединились к ним, и все вместе побежали к задним дверям, в которых уже скрылись хористы.

В коридоре они увидели викария, распростертого на полу. Ему в спину попала шальная пуля.

Пока его родные пробирались к выходу по крови своих любимых, Антонио держал на мушке дверь за алтарем. И действительно, один из убийц тут же появился в проеме. Но прежде чем он успел поднять пистолет-пулемет, Антонио всадил пулю ему в глаз.

Стрелок упал поперек проема, сквозь который виднелась развернувшаяся в базилике резня. Пространство наполняли крики и стоны, которые обрывались выстрелами — убийцы продолжали казнить его семью.

— Антонио! — крикнула Лючия.

Он замаялся, разрываясь между спасением жены с ребенком и спасением друзей и сослуживцев. В револьвере оставалось не более пары пуль — а значит, возвращаться в неф было бы самоубийством.

Антонио выругался и побежал за родными. Он промчался по коридору мимо ниши, где стояла статуя ангела, держащего меч и одетого в доспехи, с напряженными чертами лица и бременем воина, защищающего невинных от зла.

Сзади доносилось эхо выстрелов, возвещавших гибель солдат Моретти. Впереди, в конце коридора, Антонио увидел Лючию — она прижимала Марко к груди, и по ее прекрасному лицу текли слезы. Лишь горстка членов семьи сумела выбраться живыми.

Осознание пронзило Антонио, словно пуля. Здесь, в этой базилике, правление клана Моретти практически закончилось.

Теперь будущее — и надежда для его мальчика — могло лежать лишь вдали от Неаполя, в стране, где они могли растить сына, не опасаясь за его жизнь.

Бегство из дома в безопасное место было печальной необходимостью. Но Моретти вернуться в Неаполь, став сильнее, чем прежде. И тогда наступит время мести.